

**Россинская Светлана Владимировна, гл. библиотекарь библиотеки
«Фолиант» МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»
e-mail: rossinskiye@tlt.ru**

ЭРНСТ ГОФМАН: МЕЖДУ ФАНТАЗИЕЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

Развернутый анонс литературного расследования в библиотеке «Фолиант» к 24 февраля - 2...-летию со дня рождения немецкого писателя, художника и композитора Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1776-1822)

«Нет ничего скучней, чем, укоренившись в почве, держать ответ перед каждым взглядом, каждым словом». (Э.Т.А. Гофман. «Принцесса Брамбилла»)

Советник юстиции и театральным капельмейстер **Эрнст Теодор Амадей Гофман** больше известен нам как писатель, хотя писать начал поздно - в 37 лет. За девять лет до своей кончины он успел написать полтора десятка томов полуфантастической прозы.

16 февраля 2016 года в 15.00. в библиотеке «Фолиант» МБУК ТБК пройдет литературное расследование «Между фантазий и реальностью», посвященное 240-летию со дня рождения немецкого писателя.

Эрнста Гофмана сегодня сравнивают с **Вольтером** и **Руссо**. Считается, что он предвосхитил **Эдгара По** и **Бодлера**...

Однако, единственным, что вызывало в Гофмане настоящее благоговение, была музыка. Ведь неспроста он, будучи еще студентом, изменил свое третье имя - вместо Вильгельма стал Амадеем, выразив тем самым восхищение **Моцартом**. С этим именем - Эрнст Теодор Амадей Гофман - он и вошел в историю, правда, не как музыкант, а как писатель.

Как же так получилось, что он, музыкант в душе, блестяще играющий на фортепьяно и органе, скрипке и флейте, музыкантом не стал? Чего он боялся?

Эрнст Гофман прекрасно знал латынь, греческий, французский и итальянский, был сведущ в литературе и живописи, к тому же в совершенстве владел искусством ведения беседы. Шутили даже, что господину Гофману *«за разговор надо платить отдельно»*. И при этом он почти всю свою жизнь влачил жалкое серенькое чиновничье существование. Почему?

Как могли ужиться в нем престранные вещи: он был способен часами цитировать поэтические отрывки из Новалиса, буквально дрожа и покрываясь пятнами от особенно волновавших его строчек, и в то же время проявлял странную холодность и сухость по отношению к близким людям. Как это было возможно?

Откуда брались сумасбродные фантазии в его голове о фантастическом королевстве морского царя, о лазоревых островах, о путешествиях с Песочным человеком в царство сна...

Почему встречу с 13-летней девочкой **Юлией Марк** Гофман воспринимал как катастрофу, как наваждение, а его жизнь распалась на две части - на ту, что была до этого события, и ту, что случилась позже?

Зачем он хотел разmozжить голову Наполеону, проходившему строем вместе с войском под его балконом?

В чем была причина его ссылки особым министерским указом в провинциальный городишко Плоцк? И отчего советник Гофман предпочитал ходить по улицам Плоцка с закрытыми глазами и, как слепой, пользовался тростью. Почему так много пил, медленно и методично на глазах у всех совершая самоубийство?

Может быть, потому, что всегда чувствовал присутствие дьявола в своей жизни?

В ходе литературного расследования в библиотеке «Фолиант» читатели чуть больше прикоснутся к биографии Гофмана, посмотрят 26-минутный документальный фильм «*Эрнст Гофман. Между сном и явью*» из цикла «Гении и злодеи», вместе попробуют ответить на все эти вопросы.

Итак...

Эрнст Гофман родился 24 января 1776 года в Кенигсберге (ныне Калининград) - прусском городе, славившемся в конце VIII века тем, что в местном университете преподавал философию сам Иммануил Кант. Он вырос в огромном мрачном доме своей бабки по матери. Воспитанием мальчика, в основном, занимался пузатый дядя **Отто Вильгельм Дерфер**, неудачливый адвокат и обжора, тщетно пытавшийся приучить племянника к «режиму». Племянник от «режима» всячески отлынивал и вытворял бог знает что: например, однажды, пробравшись в бабкину комнату с потрескавшейся позолотой на мебели, зачем-то покрыл поля драгоценной Библии старухи Дерфер рисунками рогатых дьяволов и страшных драконов.

Опыт зазеркалья

Из всех обитателей дома Эрнст настоящему дружил только с толстой служанкой Карлой: сладкое марципановое печенье и страшные сказки, которых у той всегда водилось в избытке, утешали Эрнста как нельзя лучше. Ровно в девять вечера служанка провожала мальчика спать. Именно она однажды предостерегла его не смотреться в большое старинное зеркало в коридоре - иначе оттуда может выскочить Песочный человек и до смерти перепугать.

Эрнст боялся Песочного человека, но еще больше мечтал встретиться с ним - ведь с Песочным человеком, как пить дать, было бы веселее, чем с окружавшими его скучными взрослыми. Пытаясь задобрить Песочного человека, мальчик тайком оставлял у зеркала марципановое печенье, и как только часы на церковных колокольнях били полночь, подкрадывался к нему и, изредка поглядывая в мутное, темное стекло, принимался ждать...

Однажды Эрнста словно бес потянул за язык - и он похвастался дяде о своих встречах с зазеркальным другом. Как он потом жалел об этом! Дядя сначала обхватил было короткими ручками свой пузатый живот и покатился со смеху, потом, поняв, что племянник не шутит, вызвал к нему доктора. Тот случай научил Эрнста держать свои фантазии и себе.

Вопреки призванию

Многочисленные дядья и тетки мальчика умели играть на всевозможных инструментах, даже на редких. Но для себя Дерферы музицировали редко: обычно к ним на званные вторники собирались одни и те же скучнейшие гости с одними и теми же скучнейшими разговорами.

Обожаемые Эрнстом Моцарт и Гайдн были тогда не в почете: их считали слишком современными, а значит, поверхностными и несерьезными. Спрятавшись за тяжелой портьерой, Эрнст наблюдал, как сборщик податей с такой силой дул во флейту, что то и дело тушил свечи за своим пюпитром. Если бы в этот момент кто-то увидел глаза мальчика, то заметил бы, что они полны глумливой безжалостности.

И все же, если что-то и вызывало настоящее благоговение в насмешливом мальчишке, это была именно музыка. Его учитель, органист Подбельский, научил юного Гофмана блестяще играть на фортепьяно и органе. Другие инструменты, такие, как скрипка и флейта, тот освоил самостоятельно. Уже будучи студентом, Гофман изменил свое третье имя - вместо Вильгельма стал Амадеем, выразив тем самым восхищение Моцартом. С этим именем - Эрнст Теодор Амадей Гофман - он и войдет в историю, правда, не как музыкант, а как писатель.

«Как же так получилось, что Вы, господин хороший, музыкант в душе, влачите

жалкое серенькое чиновничье существование?» Подобными издевательскими вопросами Гофман мучил себя долгие годы молодости. Он не стал музыкантом - испугался, что музыка окончательно сведет его с ума.

Когда Эрнст исполнял или слушал то, что особенно любил - Моцарта, Глюка, Вебера, то словно забывал о реальности и воспарял куда-то, откуда потом ему было мучительно трудно вернуться. Иногда, прослушав концерт Моцарта, Эрнст потом полчаса не мог прийти в себя и сообразить, где он находится. Он был расстроен диагнозом того самого доктора, которого в детстве приглашал дядя.

Мудрый доктор решительно не рекомендовал юному Гофману заниматься искусством. Эрнст поддался напору здравомыслящих родственников, поступил в Кенигсбергский университет и, пойдя по семейным стопам, вскоре превратился в советника юстиции.

О, как же он себя ненавидел презирал те дела, которыми ему пришлось заниматься в суде города Познани. Именно туда его назначили после университета. Музыка Эрнст забросил, и единственным его развлечением стал трактир: надо было хоть как-то топить тоску!

Гофман и не делал вид, что интересуется разбором судебных дел, заботится о карьере, служебном продвижении, в глубине души он знал: все это притворство. Много раз, напившись почти до потери сознания, он доверительно склонялся к первому попавшемуся собутыльнику и рассказывал ему о том, что ночью созерцает *«таинственные лучи, которые бывают лазоревыми, фиолетовым и золотыми..»* Потом спрашивал: *«Скажи-ка, друг, а у тебя тоже тело по ночам светится, а?»* Друг, хоть и был не менее пьян, шархался от Гофмана как черт от ладана.

Замуж за черта из табакерки

С высокой брюнеткой **Марией Теклой Михалиной Рорер**, по прозвищу Миша Гофман познакомился в Познани. Город принадлежал тогда Пруссии, но отец Миши был обедневшим поляком.

Обычная, нормальная барышня со светлыми глазами и уютными ямочками на щеках. Восемнадцатилетней невинной девушкой выходила она за скромного и добропорядочного советника Гофмана.

И откуда ей было знать, какой черт спрятан в этой табакерке и что она будет с ним несчастна?

Конечно, женился Эрнст исключительно для того, чтобы не выглядеть белой вороной в компании сослуживцев.

-Вам двадцать шесть лет - самая пора! - говорил ему начальник канцелярии. *- А если вы заболаете, кто будет за вами ухаживать? Да и по вечерам с женой не так скучно, ее даже можно научить в твист!*

Миша наивно надеялась, что ее муж будет расти в чинах, и скоро со съемной квартиры они переедут в собственный маленький домик, потом в свою небольшую виллу, она станет госпожой советницей и будет носить чепец.

Но что-то в характере мужа не укладывалось в понимание девушки. В Эрнсте уживались престранные вещи: он был способен часами цитировать ей поэтические отрывки из Новалиса (Миша прилично знала и немецкий), буквально дрожа и покрываясь пятнами от особенно волновавших его строчек, и в то же время проявлял странную холодность и сухость по отношению к близким людям.

Когда умер воспитавший его дядя Отто, Гофман издевательски перекрестился и, к ужасу Миши, сказал, что *«старый дурак мог бы отправиться на тот свет и пораньше»*.

В ссылке

Как-то на скучном балу по случаю масленицы Гофман взял и пустил по рукам собственноручно нарисованную злую карикатуру на прусского генерала фон Цастрова, бывшего адъютанта короля. Зачем он это сделал? Да кто его знает! У него просто чесались руки хоть как-то, хоть в чем-то выдать свое истинное отношение ко всей этой солдафонско - чиновничьей жизни.

Расплата последовала незамедлительно: особым министерским указом насмешника перевели в чудовищный провинциальный городишко Плоцк. Это была самая настоящая ссылка.

Советник Гофман предпочитал ходить по улицам Плоцка с закрытыми глазами и, как слепой, пользовался тростью. Однажды он едва не проткнул тростью жандарма - тот долго хлопал глазами на приличного и, как выяснилось, вполне зрячего господина в мундире советника...

Но не станешь же объяснять стражу порядка, что на унылейшие пейзажи Плоцка Гофману было буквально физически больно смотреть: перепачканные дерьмом свиньи свободно разгуливали здесь между скосбоченными, крытыми тесом домишками; визгливые крестьянки в уродливых пестрых юбках тащили упирающихся чумазных детей. Эту тошнотворную картину не скрашивали ни грязно-желтые волны Вислы, ни монументальный старый собор на вершине горы. Словом, Гофман попал в атмосферу, способную вдохновить только на одно свершение: поскорее намылить петлю. План самоубийства уже почти созрел в голове Эрнста, как пришло милостивейшее разрешение перевестись в Варшаву.

Новый поворот госпожи Фортуны

И тут в судьбу заурядного советника юстиции решительно вмешалась сама История. 28 ноября 1806 года в польскую столицу вступила наполеоновская армия, и на следующий же день семь тысяч прусских чиновников оказались безработными.

Узнав дурную новость, Миша залилась слезами. Как же они теперь будут жить? Сбережений у семьи не оказалось вовсе - лишние деньги обычно перетекали в карманы трактирщиков и виноторговцев. К тому же у супругов недавно родилась дочурка **Цецилия**, слабое тщедушное создание, над которым постоянно тряслась.

Но, к удивлению Миши, лицо мужа в те дни светилось невиданным воодушевлением. Он так носился по дому и так громко распевал арии, что заботливые соседи забегали узнать, не помешался ли господин Гофман от горя.

Когда Гофман провожал, вернее, выпроваживал семью к теще в Познань под предлогом того, что там им *«будет спокойнее, сытнее, а он уж как-нибудь перебыетя, осмотрится, найдет работу...»*, на его лице играла ангельская улыбка. О, с каким наслаждением он вздохнул! Свобода! Мундир советника тут же был наказан за все: Гофман с остервенением полчаса топтал его ногами.

Знала бы жена, сколь странный образ жизни он вел в оккупированной Варшаве! Квартиру Эрнст бросил - нечем было платить - и переселился в мансарду опустевшего дворца Мнишек. По утрам, часам к десяти, Гофман отправлялся в кабачок, где его поили за то, что по вечерам он играл гостям на фортепиано. К тому же из окна трактира было отлично видно, как Наполеон проводил смотр своим войскам.

...После годовой разлуки с мужем Миша все-таки разыскала его в театре в городе Бамберге и совершенно растерялась, увидев бывшего советника на качающихся лесах декораций и с бутылкой итальянского вина под мышкой...

Она-то думала, муж служит в канцелярии, а он вдруг оказался - может быть, ей слышалось? - капельмейстером бамбергского театра. Как это возможно?

Мечтать не вредно - мечты сбываются

Эрнст вспомнил свою давнюю мечту - сочинить комическую оперу. Он пытался писать их и раньше, измарав изрядное количество бумаги, но теперь всерьез засел за оперу *«Любовь и ревность»* на текст одной из комедий Кальдерона.

Потом написал несколько музыкальных произведений, с работой дирижера он был знаком еще с юности. Поэтому когда его другу, графу Юлию фон Содену, владельцу театра в Бамберге, позарез понадобился капельмейстер, Эрнст умолил графа попробовать его - и вот теперь он на новой должности.

В театре Гофман расцвел: теперь он занимался всем - от сочинения музыки к оперным либретто до репетиций с оркестром и создания декораций к спектаклям.

Новая квартира вполне удовлетворяла его эстетическим пристрастиям, а вид из окна на живописные горы и долину стимулировал творческое воображение. Его репутация в городе тоже была исключительной - светский город быстро сообразил, сколь необычен их новый капельмейстер, знающий латынь, греческий, французский и итальянский, сведущий в литературе и живописи, к тому же в совершенстве владеющий искусством ведения беседы. Шутили даже, что господину Гофману *«за разговор надо платить отдельно»*.

У новоиспеченного капельмейстера не было отбоя от частных учеников, и он не отказывался от этих уроков - лишние деньги и полезные знакомства никогда не помешают.

За время разлуки Гофман ожил и помолодел, Миша же, напротив, сникла и постарела. Задорные ямочки на ее щеках превратились в морщинки: умерла их дочка Цецилия. Сообщив об этом Эрнсту, Миша вдруг в ужасе застыла, испугавшись, что сейчас Гофман ляпнет о ее дорогой малышке то же, что он обычно с чудовищным пренебрежением бросал о своих почивших родственниках...

Наваждение

В день, когда Эрнст Теодор Амадей Гофман позвонил в дверной колокольчик вдовы консула госпожи Марк, его жизнь распалась на 2 части - на ту, что была до этого события, и ту, что случилась позже.

Как же не хотелось ему тащиться на этот урок! Гораздо привлекательнее была идея отправиться в трактир «Роза», глотнуть там живительного «Поморского», а потом, при-мостившись за столом, дописать новую партитуру или закончить музыкальную статью.

Гофман все медлил у двери консула, не решаясь дернуть шнурок колокольчика. Сбежать? Нет, нельзя, его ждут. Отныне он дорожит своей репутацией.

- *Господин Гофман?* - ослабилось неприятной улыбкой лицо дамы лет сорока, - *мы с нетерпением Вас ожидаем! Я - госпожа Марк.*

Трое детей - две девочки и мальчик - понуро стояли возле камина в гостиной, исподлобья разглядывая нового маэстро. Учителя и учеников представили друг другу. Гофман мгновенно оценил взглядом ситуацию: мальчонка ни на секунду не желает расстаться с игрушечным барабаном, младшая теребит в руках куклу. Не похоже, что мысль забросить все это ради скучной музыкальной грамоты внушает им радость.

Гофман взглянул на старшую - **Юлию**: на вид ей было не больше 13-ти, черноволосая, кудрявая, с миндалевидными лазоревыми глазами, сверкавшими на гладком, как яичко, личике, словно два больших драгоценных камня.

- *Ну что же, посмотрим, на что способны дети,* - проговорил Гофман и сел за фортепьяно. - *Начнем со старшей. Насколько мне известно, Вы уже учились пению?* - обратился он к Юлии и тут же заиграл арию.

К его удивлению, девочка послушно запела; поначалу робко, по-ученически, но постепенно ее чистый голос набрал силу и чувственность. Гофман взглянул на ее лицо и в потрясении замер: это больше не была неловкая 13-летняя девочка, музыка совершенно преобразила ее, и в потемневших глазах Юлии будто распахнулась вся беспредельная бездна страдания, любви и страсти: голос словно вобрал в себя весь огонь женской любви...

Закончив играть, Гофман остался сидеть неподвижно и молча смотрел на Юлию. Потом поднялся и глухо спросил:

- И чему же я могу Вас научить, фройлейн?

Юлия уже снова превратилась в девочку. Покраснев и потупившись, робко произнесла:

- Пеню, маэстро.

В тот первый вечер встречи с Юлией, едва добравшись до дома, он схватил с полки «Фрагменты» своего любимого Новалиса. Торопливо перелистал страницы, пока не нашел место, в котором Новалис красноречиво описывал впечатление, произведенное на него «нематериальной, ангельской красотой» некой Софии фон Кун, тоже, кстати, 13-летней.

Значит, лихорадочно крутилось в воспаленном мозгу Гофмана, так бывает, значит, не он один такой! В его судьбе случилась катастрофа, которую Гофман всегда предчувствовал, и эта катастрофа носила имя Юлии. Подспудно скребла зловеющая мысль: он пойман судьбой, нечто роковое свершилось, больше он не сможет делать вид, что «как все» и с ним «все в порядке»...

В тот незабываемый вечер их первой встречи он сказался больным и слег в постель: тщетно жена звала его ужинать. Миша несколько раз в тревоге заходила к нему в комнату, и он поспешно, как застигнутый с поличным мальчишка, прятал под одеяло ее же ручное зеркальце.

Впервые за 33 года, пристально разглядывая свое лицо, Гофман вдруг обнаружил, что он вопиюще некрасив: лицо в морщинах, широко расставленные глаза, крючковатый нос, огромная плешь. Плюс удручающе маленький рост и тщедушное телосложение. Да он похож на червяка - вот подходящее сравнение!

-Я должен Вам рассказать очень странную вещь, Юлия, - сказал однажды Гофман своей ученице. Он сел за фортепьяно и стал импровизировать. *- Так вот, третьего дня я брел вдоль реки в том живописном месте, где она делится на два рукава, и вдруг меня догнал человек лет пятидесяти; слово за слово мы разговорились о музыке, и он пригласил меня в свой небольшой домик, стоявшим там же, у подножия холма.*

Там этот человек извлек из шкафа пожелтевшие листы партитур - «Орфея», «Армиду», двух «Ифигений». У него оказалось полное собрание сочинений Глюка! Незнакомец выбрал «Армиду», сел за инструмент и заиграл, но тут вдруг я с ужасом заметил, что все листы партитур – белые, на них нет ни единой ноты! А играл он изумительно, у меня из глаз катились слезы. Я словно расслышал в этой музыке все свое будущее - любовь, ревность, надежда, отчаяние. О, какое мучительное отчаяние, но дело не в этом... «О, Вы маэстро?» - спросил я его в конце концов, и тот ответил: «Я – кавалер».

Гофман искоса бросил взгляд на Юлию, чтобы убедиться, понимает ли она вполне, о чем он ей рассказывает. (Кавалер Глюк умер лет двадцать назад.) Юлия заворуженно смотрела на Гофмана своими широко распахнутыми глазами...

После этого более, чем странного рассказа Юлия не сочла учителя сумасшедшим, не посмеялась над ним, не стала бояться его, напротив, она стала доверять ему еще больше и ждала приходов маэстро с нескрываемым нетерпением. Он же, поощряемый ее одобрением, стал делиться самыми сумасбродными фантазиями.

Сколько их накопилось у него в голове! Эрнст рассказывал девочке про фантастическое королевство морского царя, про лазоревые острова, про свои путешествия с Песочным человеком в царство сна...

Рассказы Гофмана всегда сопровождала музыка; возможно, Юлия полагала, что маэстро делится с ней идеями своих будущих либретто, возможно, она просто упивалась сказками, которые обожала слушать, - неизвестно. Гофман же наслаждался этим ангельским выражением покорного, всепоглощающего внимания на ее лице - никто так не умел его слушать. Всем, включая Мишу, надо было тотчас возражать, спорить, поднимать его на смех...

Кстати, поделившись с Юлией своей историей, Гофман вскоре отправил в «Лейпцигскую газету» рассказ *«Кавалер Глюк»* - это была его первая проба пера в области беллетристики. Как впоследствии отмечали критики, для столь позднего художественного дебюта рассказ оказался превосходным.

Тем временем в личном дневнике Гофман изливался в нахлынувшей любви к Юлии, заменяя в целях конспирации ее имя словом «искусство»: *«Возбужден, романтичен, сумасбродствую», «Это романтическое настроение утверждается все с большей силой. Боюсь, как бы оно ни привело к беде».*

Гофман не вполне отдавал себе отчет в том, что его так пугало в чувстве к Юлии. Кстати сказать, денно и ночью распаяя себя мыслями о возлюбленной, он совершенно не мечтал о физической близости с ней. Такого, как ни странно, ему даже и в голову не приходило.

Чего же он тогда хотел от нее? Чтобы она тоже его полюбила? Конечно, но не только этого, а гораздо, гораздо большего! Тогда чего собственно? В том-то и был весь ужас, что Эрнст сам этого не понимал. Доктор Маркус, приятель Гофмана, знавший о любви капельмейстера и его настроениях, подтвердил, что все это *«нездорово и ведет к помешательству»*. И снова все сходилось на «помешательстве»; неужели ему действительно грозит подобная участь?

«Ты - болен! Болен!»

Время шло. Страсть Гофмана все разгоралась, подобно гигантскому пожару. На пятнадцатилетие Юлии учитель подарил ей небывалой величины букет роз (чем, кстати, страшно смутил ее маменьку) и написанный специально для девушки сонет.

В тот праздничный вечер он даже отказался вальсировать с ней - красота Юлии обжигала ему глаза: белое платье с короткими рукавами, черные волосы заплетены в косы и сколоты на затылке, пылающий румянец и непередаваемое выражение глаз - глубокое, нежное и в то же время немного печальное. На одной из старинных картин, которую Гофман видел когда-то, изображались *«глаза души»*. Теперь он точно знал, что это были глаза Юлии.

Далее произошло следующее: Юлия простодушно показала матери подаренный ей Гофманом на день рождения сонет. Консульша вознегодовала, сочтя текст сонета «неприличным», и намекнула жене Гофмана *«заглянуть в дневник мужа»* - нет ли какой тайной причины для его столь романтического настроения.

И вот, вернувшись однажды домой после оперного спектакля, Гофман вдруг заметил, что на шее жены висит на шнурке какой-то ключ. Присмотревшись, он узнал ключик от собственного письменного стола, где прятал дневник.

- *Мне нужно с тобой серьезно поговорить*, - решительно заявила бледная Миша, сжимая в ладони злосчастный ключик.

- *Боже, что сейчас будет!* - от волнения у Гофмана вспотели остатки волос.

- *Ты... болен! Тебе надо серьезно лечиться. Зачем этот дурацкий театр, зачем эти оперы, музыка?*- всхлипывала она. - *Как хорошо нам было в Познани! Ты болен, болен! Ты признаешься в любви к этому своему чудовищному искусству, словно речь идет о женщине. Да, представь, я сначала решила, что у тебя появилась возлюбленная, и только потом все поняла!*

Миша теребила в руках платочек. Гофман потрясенно смотрел на нее. Наивная дурочка!

Весной 1812 года вновь началось передвижение французских войск. По Германии один за другим дефилировали полки наполеоновской армии. В мае Наполеон и Мария Луиза должны были проезжать через Бамберг. Гофман условился с Юлией пойти к своему другу доктору Шпейеру, балкон которого выходил на главную улицу, посмотреть на кортеж.

Когда Наполеон был совсем рядом, Юлия вдруг быстрым движением извлекла из кос розу и бросила под ноги императору. Бонапарт взглянул вверх и увидел девушку. Судя по всему, он мгновенно оценил ее красоту, потому что галантно поднял цветок, улыбнулся и послал Юлии воздушный поцелуй.

Ревность набросилась на Гофмана, словно взбесившийся цепной пес. Не соображая, что делает, Эрнст схватил стоявший тут же увесистый стул и что было сил швырнул с балкона на улицу. Он хотел разможить голову Наполеону, но, к счастью, стул с грохотом упал на булыжную мостовую, никого не задев.

Почти лишившегося рассудка Гофмана с трудом оттащили в комнату. Юлия, испугавшись, что она совершила какой-то непоправимый проступок, вдруг разревелась, как маленькая девочка.

Гофман записывал в дневнике, милостиво возвращенном добрейшей Мишей: *«Нет, невозможно допустить, чтобы заурядная девочка способна была внушить такую страсть. ...Но достаточно было сегодня утром увидеть ее из окна, как мой бред возобновился. Не могу больше! Ее взгляд, ее взгляд!»*

В бамбергском театре играли знаменитый романтический спектакль *«Кетхен из Хейльбронна»* - о любви двух молодых людей, которые не могли быть счастливы на этом свете и решились на то, чтобы вместе лишиться себя жизни. За кулисами Гофман помогал театральным механикам зажигать бенгальские огни для имитации на сцене пожара в замке, в котором заключена героиня.

И вдруг ему в голову пришла страшная идея. Схватив несколько бенгальских огней, Гофман выскочил за кулисы и уже собирался подпалить валявшуюся там деревянную рухлядь. Но внезапно странно холодная, трезвая мысль остановила его руку: а вдруг Юлия, находившаяся в зрительном зале, успеет выбраться из театра? Мгновение решимости было упущено. Гофман сел на деревянную ступень и зарыдал как ребенок.

После спектакля он жестоко напился и до утра бродил по парку среди венецианских фонарей, кружил вокруг *«старика с вилкой»* (так бамбергцы называли украшавшую фонтан фигуру Нептуна с трезубцем), обзывая себя *«старым дураком»*, *«психом, выжившим из ума»*. Нет, завтра же он во всем признается Мише и уговорит своего друга доктора Маркуса отправить его в дом для умалишенных.

Дыхание дьявола

А в это время на другом конце города консульша Марк, усадив рядом с собой старшую дочь (Юлии уже исполнилось шестнадцать), поведала ей о том, о чем обычно большинство заботливых матерей того времени рано или поздно сообщали своим дочерям. О том, что после смерти отца состояние их финансов сильно пошатнулось, что это ужасно, но есть один молодой человек по имени Греппель, превосходный, любезный, элегантен главное - богатый, очень богатый коммерсант, владелец одной из гамбургских фирм...

Ночью Юлии снилось, что так любивший ее учитель - а она прекрасно знала, что он любит ее, - превратился в прекрасного принца. *«Не может быть, чтобы такой умный, самый лучший на свете маэстро Гофман навсегда остался таким безобразным!»* - наутро записала Юлия в дневнике...

...- Я нахожусь господина Греппеля обворожительным. Ах, как вы будете счастливы с ним! Ноги его, правда, выворочены и похожи на паучьи, но зато у него прекрасные жабыи глаза, - нашептывал Гофман на ухо совсем растерявшейся Юлии, пока они ехали в экипаже на увеселительный обед, устроенный консульшей. Кроме госпожи Марк, Юлии и Гофмана были приглашены жених Греппель и общие друзья - доктора Маркус и Шпейер с супругами.

Миша Гофман тоже, разумеется, числилась в списке гостей, но, чтобы избежать присутствия жены, Гофман с утра предусмотрительно на нее наорал, и та, обидевшись, осталась дома.

Сначала компания гуляла по большому барочному замку в Поммерсфельдене, что под Бамбергом, а потом направилась в один из очаровательных местных ресторанов. Множество пустых бутылок из-под бордо и шамбертена уже выстроилось вереницей на полках посудного шкафа. За десертом подвыпивший Греппель осмелел и попытался приобнять невесту за талию. Юлия сидела неподвижно, словно кукла, вжавшись в кресло.

- А ну уберите с нее свои лапищи, а то я сейчас превращусь в бешеную собаку и вас покусая, - вдруг во всеуслышание обратился Гофман к Греппелю. Маркус и Шпейер принужденно засмеялись, надеясь обратить неслыханную грубость в шутку. Пьяный Греппель повернул к Гофману потное красное лицо.

- Господа, может быть, прогуляемся? - промямлила встревоженная консульша. Но было уже поздно. Эрнст Теодор Амадей Гофман опустился на четвереньки, подпрыгнул к Греппелю и начал бешено, истошно гавкать. Он наскакивал на него, бодал головой в живот и лаял так задиристо, громко и убедительно, что ему стали вторить окрестные собаки. А потом изловчился и... укусил коммерсанта в мясистую кисть. Греппель взревел от боли и, слетев со стула, тяжело рухнул на пол. Последнее, что помнил Гофман, - побелевшее лицо Юлии и ее неожиданно рассыпавшуюся по плечам косу...

...Он не видел дьявола, но чувствовал его присутствие. Больше месяца после той жуткой сцены Гофман пролежал в страшной горячке; ему мерещилось, будто он дирижирует оркестром.

- Сегодня утром флейта опять начала действовать мне на нервы, - бормотал он ухаживающей за ним преданной Мише. *- А еще этот несносный фагот: ни одного правильного вступления - то он торопится, то запаздывает...*

Неслыханное поведение маэстро на злосчастном обеде у консульши Марк получило огласку, и репутация Гофмана в Бамберге оказалась непоправимо испорченной: Эрнста изгнали из театра, многие отказали ему от дома.

Даже когда бывший капельмейстер настолько оправился, что стал подниматься с постели, в голове у него еще долго царил полный хаос - происходившие с ним реальные события смешивались с фантазиями.

Вещие сны

В поисках заработка Миша повезла было мужа в Дрезден, где у него имелись влиятельные родственники. Это совпало с беспорядочным отступлением наполеоновской армии, которая неожиданно получила решительный отпор русских, повернувший весь ход войны.

Добраться до Дрездена оказалось очень непросто. Французские стрелки, галопирующие казаки, русская пехота - кто только не попадался им на пути! Пересаживаясь с одного дилижанса на другой, Гофманы проезжали мимо недавних полей сражений.

«Незабываемое впечатление!» - неверной рукой записывал Эрнст в дневнике. *- То, что я так часто видел во сне, сбылось наяву ужаснейшим образом: искромсанные, разорванные на куски люди».*

Личное лекарство

Окончательно Гофман пришел в себя только в Берлине, где после окончания войны сердобольные родственники вновь устроили его... советником юстиции. Судьба сделала полный круг. Но он был уже совершенно другим человеком. Гофман нашел наконец свое личное лекарство, спасение и единственный смысл жизни.

Он стал писать - безостановочно, как только выдавалось время, ночами напролет, словно спеша освободиться от фантазий, буквально затопивших его сознание. Не зря Гофман в свое время зашифровал Юлию под словом «искусство». Следы ее образа разбросаны по всей гофмановской прозе: в *«Золотом горшке»*, *«Крейслериане»*, *«Коме Мур-ре»*.

Менее чем за девять лет советник Гофман напишет полтора десятка томов своей полуфантастической прозы. Его будут сравнивать с Вольтером и Руссо, говорить, что он предвосхитил Эдгара По и Бодлера...

Немецкие издатели забросали Гофмана предложениями, так как его повести сразу стали пользоваться огромным успехом у публики. Чтобы подстегнуть Гофмана побыстрее предоставить обещанный текст, один остроумный франкфуртский издатель выслал писателю несколько ящиков отменного рейнского вина.

Гофманы занимали теперь в Берлине хорошую квартиру. Эрнст перестал рисовать карикатуры на начальство, а в суде занимал место справа от председателя. Однако Миша день ото дня становилась все печальнее: она давно покорила судьбе, терпела эгоизм и дурной характер мужа, но вынести того, что на ее глазах медленно и методично совершается самоубийство, она не могла.

Все могло быть иначе...

Один из друзей Гофмана, случайно столкнувшись в Гамбурге с Юлией, зачем-то передал Эрнсту ее слова: что *«будь Ваш друг немного красивее, я смогла бы ответить ему взаимностью»*. Стоило ли пересказывать это Гофману? Он уже знал, что Юлия несчастна со своим коммерсантом, что она бедна, больна, что бесконечные счета и работа в лавке убивают ее живую душу.

Впрочем, эта реальная фрау уже не интересовала Гофмана - его Юлии больше не было, потому что омерзительный коммерсант Грешпель давно уничтожил аромат этого цветка. А ведь все могло сложиться иначе, если бы не его безобразная внешность, не его уродливая плоть, ставшая непреодолимым препятствием для великой любви.

Из своего тела Гофман словно сделал козла отпущения - он издевался над ним как мог, не обращая ни малейшего внимания на приступы боли и бесчисленные сигналы приближающейся катастрофы. Несмотря на протесты, отчаяние и слезы Миши, Эрнст ежедневно вливал в себя столько рома, что даже самый здоровый организм в мире был бы не в состоянии это выдержать.

Писателю сравнялось всего 46, когда летом 1822 года у него неожиданно отнялась одна нога, потом другая, следом отказались повиноваться руки... Он лежал, прикованный к постели и, почти не мигая, смотрел на залитое слезами лицо Миши. Врачи ставили Гофману страшный диагноз «прогрессирующий паралич».

Пытаясь хоть как-то оживить его головной мозг, берлинские врачи приложили ему к позвоночнику полосы каленого железа. Это была чудовищная, варварская процедура. Но еще чудовищнее прозвучали слова, с улыбкой произнесенные Гофманом после того, как он мужественно перенес пытку:

- Слышите запах жареного? Прикончили наконец злого уродца!

Через несколько дней, 25 июня 1822 года, Эрнст Теодор Амадей Гофман скончался.

ЛИТЕРАТУРА:

1. **Гофман Э. Т. А.** Полное собрание сочинений в двух томах / Пер. с нем. - Москва: «Альфа - книга», 2011. - (Полное собрание в двух томах).
2. **Гофман Э. Т. А.** Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / пер. с нем.; сост., автор предислов., послеслов. и вступит. текстов к разделам К. Гюнцель. - Москва: «Радуга», 1987. - 464 с.,

О нем:

1. **Берковский Н.Я.** Романтизм в Германии. - М., 1974. - Стр.463-537.
2. История эстетической мысли. Становление и развитие эстетики как науки. В 6-ти тт. - Т.3.- М.: «Искусство»,1986. - Стр.5-55.
3. Литературная теория немецкого романтизма.- М.,1934.
4. **Миримский И. Э.Т. А.** Гофман /Вступ. ст. // Гофман Э.Т.А. Избранные произведения в 3-х томах. Т.1. – М.: «Художественная литература», 1962. - Стр. 5-42.
5. **Пэгги Л.** Наваждение. Пэгги Лу// Караван историй. - 2003. - №11. - Стр. 268 - 278.
6. **Россинская С.** Страшная, страшная сказка: Литературное расследование, посвященное жизни и творчеству немецкого писателя-романтика для учащихся 8-10 классов// Читаем, учимся, играем. - 2015.- №10. - Стр. 4-10.
7. **Тертерян И.А.** Романтизм // История всемирной литературы. - Т.6. - М.: «Наука», 1989. - Стр.15-27.
8. **Тураев С.В.** Немецкая литература // История всемирной литературы в 9-ти т. т. - Т.6. - М.: «Наука», 1989. - Стр.51-55.
9. Художественный мир Э. Т. А. Гофмана. - М.: «Наука», 1982. - 292 с.

